

Научная статья
УДК 82-822
doi: 10.17223/15617793/485/6

Метатекстовые признаки сборника «Сибирские рассказы» и его место в становлении литературного процесса региона второй половины XIX в.

Артём Витальевич Смольянинов¹

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия, smoart2@gmail.com

Аннотация. Представлен подход к изучению коллективного литературного сборника «Сибирские рассказы» как метатекста. Определены связи между социально-политическими воззрениями составителя, авторов и концепцией и содержанием издания. Выявлены метатекстовые признаки на уровне замысла, структуры, нарратива и мотивного комплекса, обеспечивающие его художественную целостность. В заключении обозначено культурно-историческое значение сборника в аспекте формирования региональной литературы.

Ключевые слова: метатекст, литературный ансамбль, коллективный литературный сборник, литературный процесс, сибирская литература, сибирское областничество, Н.С. Щукин, И.В. Оммулевский, А.К. Ордынский

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Смольянинов А.В. Метатекстовые признаки сборника «Сибирские рассказы» и его место в становлении литературного процесса региона второй половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 53–64. doi: 10.17223/15617793/485/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/485/6

Metatextual features of the collection *Siberian Stories* and its place in the formation of the literary process of the region in the second half of the 19th century

Artem V. Smolianinov¹

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, smoart2@gmail.com

Abstract. The article presents an approach to the study of Siberian collective literary collections as metatexts. The research material is the collection (almanac) *Siberian Stories* (1862) – the first Siberian book of this type. Its compiler and publisher is N. S. Shchukin (1838–1870), an Irkutsk writer, public figure, founder of the Siberian community in St. Petersburg, who had a great influence on N. M. Yadrintsev and G. N. Potanin, the main ideologists of *oblastnichestvo* [Siberian regionalism movement]. Their memories of N. S. Shchukin are involved in the study as supplementary material. The relevance and, at the same time, the novelty of the work (in the framework of studying the literature of Siberia) are due, firstly, to the lack of literary analysis of both the collection *Siberian Stories* and the works included in it (authored by I. V. Omulevsky and A. K. Ordynsky); secondly, the need to comprehend its place in the literary process of the region of the second half of the 19th century, associated with the activities of *oblastniks* [members of the Siberian regionalism movement], who actively developed the theory of identity of Siberian literature. The aim of the article is to identify the signs linking the texts of the collection *Siberian Stories* into an artistic whole and thereby forming a metatext. The author of the article assumes that there is an idea, a concept, or even an internal intention of the compiler, who, guided by any of the above, determines the selection and order of texts in the collection, and also takes into account the actual writers' position, the content of the works and correlates them with the image of a real or potential reader (the target audience). The research methods were sociological and structural-descriptive, as well as methods of narrative and motivic analysis to identify the frequency, common components of works in the collection. The rationale for the use of the metatext theory in one of its extended interpretations is the effective experience of its application for the study of literary ensembles. The analysis of the collection *Siberian Stories* shows that its metatextual features are read at several interrelated levels: ideological, conceptual, structural, which finds expression in narrative, compositional, motivic and figurative specifics. The fact that this publication is a metatext (metanarrative) about Siberia, created by Siberians and for Siberians, makes it possible to fit it into the cultural-historical and, in particular, literary process of the region as a landmark phenomenon, the relevance of which was due to the requests of literary subjects. The significance of the collection is confirmed by the fact that it expresses the characteristic features of a new stage in the formation of Siberian literature in the 1860s: the ideology of *oblastnich-*

estvo, the image of a Siberian writer, the Siberian circle of problems, the Siberian reader as a target, genre heterogeneity, the feuilleton manner of narration.

Keywords: metatext, literary ensemble, multi-author literary collection, literary process, Siberian literature, Siberian regionalism, N.S. Shchukin, I.V. Omulevsky, A.K. Ordynsky

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Smolianinov, A.V. (2022) Metatextual features of the collection *Siberian Stories* and its place in the formation of the literary process of the region in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 53–64. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/485/6

Введение

Теория метатекста, генетически близкая к идеям французских структуралистов и постструктуралистов (Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар) о метанарративах, культурном дискурсе, текстуальности пространства и деконструкции субъекта, оформилась в отечественной филологии во второй половине XX в. (Р.О. Якобсон, А. Вежбицкая, Ю.М. Лотман, М.М. Бахтин) и с тех пор была и продолжает оставаться предметом внимания разных исследователей. Согласно ряду работ, посвященных вопросам развития данной теории и проблемам дефиниции ее предмета, в современной научной парадигме принято выделять несколько подходов, в которых она изучается, а именно: лингвистический, семиотический, литературоведческий и культурологический [1–5]. Наибольшее распространение и разработку среди них получили лингвистический (А. Вежбицкая, В.А. Шаймиев, Т.Я. Андрущенко, И.Т. Вепрева, А.Н. Ростова и др.) и литературоведческий подходы (преимущественно в рамках структурно-семиотического направления Ю.М. Лотмана и представителей московского-тартуской школы, а также концепции диалогизма М.М. Бахтина) [1, 4].

Одна из главных проблем данной теории заключается в отсутствии точной и исчерпывающей трактовки понятия «метатекст», на что еще в 1981 г. обращал внимание П.Х. Тороп [6. С. 39]. В литературоведении это дополнительно усложняется использованием учеными как узкоспециализированных – и, нередко, синонимичных, – так и предельно широких определений¹. С одной стороны, это закономерно усложняет выработку единой методики для выявления и описания различных метатекстов; с другой – позволяет расширить область изучаемых предметов и синтезировать отдельные дефиниции для выявления новых аспектов исследования данного феномена. Так, в настоящее время можно выделить направление, связанное с изучением метатекстуальных образований, представляющих собой художественные «ансамбли» – коллективные литературные сборники (альманахи, антологии, хрестоматии) и журналы. Оно реализовано в работах В.С. Киселева, Ю.В. Казарина, В.В. Баженовой, Т.А. Снегиревой и А. В. Подчиненова [8–11].

В данном направлении исследователи объединяют идеи М.М. Бахтина (диалогизм), Ю.М. Лотмана (семиосфера), теорию литературного цикла (как явления, онтологически схожего с расширенным пониманием

метатекста), а также книговедческий, культурно-исторический и коммуникативный подходы, в результате чего литературный ансамбль рассматривается как художественное целое, единство нескольких текстов, которое выступает в качестве точки пересечения дискурсов авторов, читателей и составителей/издателей².

Исходя из положений лингвистической теории текста и постструктуралистских представлений о текстуальном устройстве общества, возможно рассматривать каждый текст как самостоятельное высказывание, реализованное в конкретной коммуникативной ситуации или дискурсе. В таком случае совокупность текстов, как-либо соотношенных друг с другом, обладающих схожими или однородными компонентами, становится высказыванием более сложного порядка, поскольку оно содержит в себе «голоса» (дискурс) нескольких литературных субъектов. Подобное текстуальное образование возникает в определенной культурно-исторической среде, в которой протекает литературный процесс, и вполне закономерно коррелирует с его дальнейшим развитием³. Облегчить фиксацию изменений позволяют границы литературного процесса или, как минимум, его характер и идейно-эстетическая направленность, что в первую очередь отражается в схеме «автор – текст – читатель», субъекты и объект которой, в частности, пространственно близки друг к другу. Так, собрание текстов, включенных в состав коллективного сборника, обретает характер эстетического и коммуникативного единства – зачастую имплицитного, требующего дешифровки, но все же прослеживаемого, как отмечает В.В. Баженова, на концептуальном уровне [10].

Необходимо пояснить, что ученые, предлагающие такой взгляд на метатекст, уделяют существенное внимание обоснованию его целостности (в первую очередь, на концептуальном уровне), которая не только обеспечивает когезию внутренних элементов, но и позволяет обозначить границы отдельных произведений в пространстве текстов. В этом смысле их взгляд оппозиционен постструктуралистской критике, в которой не принята текстуальная демаркация.

Итак, актуальность и вместе с тем новизна исследования обусловлены, во-первых, отсутствием литературоведческого анализа как самого сборника «Сибирские рассказы», так и входящих в него произведений в рамках изучения литературы Сибири⁴; во-вторых, необходимостью осмысления его места в литературном процессе региона второй половины

ХІХ в., связанного с деятельностью областников – в первую очередь, Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, которые были хорошо знакомы с составителем сборника и, как известно, активно разрабатывали теорию идентичности сибирской литературы.

Целью предлагаемой статьи становится выявление признаков⁵, связывающих тексты коллективного сборника «Сибирские рассказы» в художественное целое и тем самым образующих метатекст. Гипотетически предполагается наличие замысла, концепции или даже внутренней интенции составителя, который, руководствуясь чем-либо из вышеперечисленного, определяет отбор и порядок текстов в сборнике, а также учитывает собственно авторскую позицию, содержание произведений и соотносит их с образом реального или потенциального читателя (то есть целевой аудитории), который, как представляется вероятным, должен идентифицировать целостность высказывания и усвоить его согласно идее составителя (особенно если принимать во внимание факт локальной идентичности составителя, авторов и целевой аудитории). Обозначим, что в качестве задачи не ставится воспроизведение достоверной концепции составителя, однако мы полагаем, что возможно ее приближительное моделирование в результате анализа авторских идейных воззрений, соотнесенных с содержанием и структурой сборника.

В число методов, используемых в настоящей работе, вошли социологический (социально-политические, идейные воззрения составителя и авторов сборника) и структурно-описательный (концепция и структура сборника), а и также методы нарративного и мотивного анализа (выявление частотных, общих компонентов произведений в составе сборника). Обоснованием использования теории метатекста в одной из ее расширенных трактовок является результативный опыт ее применения для исследования литературных ансамблей [8–11]. Кроме того, при таком подходе выявляется связь текста и субъектов литературного процесса с культурно-историческим пространством, что необходимо учитывать при изучении формирования региональной литературы.

Основным материалом исследования является коллективный литературный сборник «Сибирские рассказы», изданный в 1862 г. в Иркутске. Согласно выходным данным, сборник был напечатан в иркутской типографии Штаба войск Восточной Сибири, которая открылась в этом же году. Привлекаются также мемуарные тексты Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина.

Составитель и авторы: идейный аспект

Составителем и одновременно издателем сборника выступил Николай Семенович Щукин (1838–1870) – литератор и общественный деятель, малой родиной которого является Иркутск; племянник своего полного тезки, известного сибирского писателя-краеведа – Н.С. Щукина (1792–1883).

Как пишет М.В. Шиловский, «именно с Щукиным связано зарождение сибирского областничества как

общественно-политического движения» [14], что подтверждается воспоминаниями Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, на которых Щукин произвел впечатление своим живым, деятельным, пылким нравом и принципиальностью во всем, что касалось служения на благо Сибири [15. С. 4; 16. С. 109]. Известно, что в 1858 г. он поступил в Главный педагогический институт в Петербурге, где основал сибирское землячество, в которое входило несколько студентов-сибиряков, объединенных идеей научного и культурного развития региона. Активность данного кружка «на некоторое время прекратилась после отъезда Н. С. Щукина в Сибирь в 1859 г. и вновь возобновилась под руководством Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева» [14]. Таким образом, сопоставляя данный факт с воспоминаниями главных идеологов сибирского областничества, можно говорить о том, что Н. С. Щукин фактически подготовил «почву» для их деятельности [17. С. 136–141].

В рамках исследования необходимо выделить следующие важные черты личности Щукина, дающие представление о воззрениях составителя «Сибирский рассказы»: патриотические чувства к региону (и понимание его проблем), приверженность идеям революционной демократии, критическое отношение к представителям официальной власти, а также острое чувство социальной справедливости [15, 16]. Примечательно, что, говоря о молодом Щукине, Ядринцев даже сравнивал его с героем тургеневского романа – Рудиным [15. С. 8].

Обратимся к авторскому составу сборника, который представлен в оглавлении перечнем псевдонимов: Синдбад, Омудевский, Аполлон Приканский и Язон Аргонавтов. Согласно воспоминаниям Ядринцева, в сборник вошел очерк самого Щукина (в качестве очерка в сборнике указано произведение Синдбада) «и еще двух-трех начинавших писателей, между прочим, рассказ „Сибирячка“ Омудевского» [15. С. 8]. Однако есть основания полагать, что в данном случае имеет место ошибка мемуариста. Во-первых, ему неизвестны точные личности всех авторов, за исключением Омудевского; во-вторых, заметно, что о содержании сборника у Ядринцева имеются неполные представления, и в своих текстах он больше нигде о нем не упоминает, а под очерком, приписываемым Щукину, вполне могло иметься в виду предисловие издателя.

Итак, рассмотрим реальные персоны авторов «Сибирских рассказов». Одним из них является Иннокентий Васильевич Омудевский (1836–1883) – известный сибирский прозаик, поэт, публицист и переводчик, близкий друг Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина, опубликовавший в сборнике свой дебютный рассказ «Сибирячка» под постоянным псевдонимом (настоящая фамилия – Федоров) [18]. Его довольно обширное литературное наследие⁶ 1860–1880-х гг. характеризуется особым, трепетным отношением к пространству Сибири и запечатлению образов сибиряков, испытывающих гнет и произвол местных властей, в чем он, без сомнения, был близок с Н.С. Щукиным. В частности, Е.В. Петухов писал о нем так: «Соб-

ственно, реальное содержание идеалов Омулевского, насколько он выразил их в своей лирике, несложно: оно почти совершенно исчерпывается стремлением к свободе, любовью к людям, готовностью на борьбу за их настоящее и будущее, отсутствием эгоизма, возвышенным, чуждым всякого мелкого расчета душевным подъемом, глубокой верой в исповедуемые идеи» [19. С. 25–26]. Показательным в идейном плане является главный роман И.В. Омулевского «Шаг за шагом» (1870), в котором он, по мнению М.Д. Зиновьевой, «отразил историческую преемственность в освободительном движении в России... Герой романа – сторонник постепенных преобразований („Шаг за шагом“); он верит в силу „положительных знаний“, науки, образования, пропагандирует атеизм, материализм, восхищается искусством, борется за эмансипацию женщин» [18].

Вторым автором сочинений, вошедших в сборник, является Аполлон Ксаверьевич Ордынский (1818/1830–1915), опубликовавший свои произведения под тремя псевдонимами: Язон Аргонавтов, Аполлон Приканский и Синдбад. О принадлежности ему первого псевдонима говорится в статье Е.Н. Туманник [20. С. 16]; второй псевдоним образован в результате сочетания имени автора и топонимического прозвища, которое соответствует месту его ссылки⁷; последний можно присвоить Ордынскому на основании семантического сходства с первым, особенно если принимать во внимание факт того, что писатель практически постоянно находился в различных путешествиях. Наконец, отметим, что все три псевдонима приписываются ему и на «Сибирском литературном портале им. Владислава Ляхницкого» [21], а между идущими под ними произведениями наблюдается очевидное стилевое сходство.

В истории региональной литературы Ордынский в большой степени известен своим интересом к этнографическому описанию Сибири, а также бурятской и монгольской культуре (что не нашло отражения в изучаемом сборнике); «его статьи и очерки публиковали все крупнейшие сибирские издания – „Восточное обозрение“, „Сибирская жизнь“, „Сибирский наблюдатель“ и др.» [20. С. 15]. Тем не менее, мировоззренческая, творческая, идеологическая позиция писателя была очень близка к областнической, и, оказавшись в ссылке, «он становится поборником и деятелем просвещения края, ратует за развитие сибирской литературы, за пробуждение литературной жизни и много трудится в этом направлении» [20. С. 16–17].

Примечателен и творческий метод Ордынского. В частности, Е.Н. Туманник характеризует его так: «...по своим личным впечатлениям он создавал интереснейшие зарисовки из сибирской жизни, выступая в них в качестве писателя-реалиста, одновременно придавая им вид типичных картинок повседневности, как в юмористической форме, так и в ироничной манере обличая пороки общества и отдельных его представителей – обитателей Сибири – чиновников, купцов, любителей легкой наживы, грабивших местных аборигенов» [20. С. 16].

Итак, можно резюмировать, что авторский корпус «Сибирских рассказов» и составитель сборника объ-

единены общим представлением о будущем региона, способностью чутко улавливать его проблемы, а также стремлением утвердить своеобразие сибирской литературы. Именно поэтому уместно говорить о том, что целью сборника, по всей видимости, являлось художественное воспроизведение сибирского пространства и его жителей, но при этом не в краеведческом или этнографическом ключе, а в плане социального устройства. Для составителя и авторов стал принципиальным поиск типичных характеров среди разных слоев сибирского общества, что и находит выражения во включенных в состав сборника произведениях. Кроме того, это дается сквозь призму областнической идеологии, выражающейся, в первую очередь, в критике официальной власти, пагубно влияющей не только на образ жизни сибиряков, но и на их нравы, поведение, культурный уровень.

Концепция и структура «Сибирских рассказов»

Доподлинно известно, что выходу «Сибирских рассказов» предшествовал совместный замысел Н.С. Щукина, Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина – выпуска в Иркутске журнала «Сибиряк» [12. С. 49]. Идея возникла после студенческих репрессий 1861 г., причем ее инициатором выступил Щукин [17. С. 139], у которого, как пишет Ядринцев, всегда «было страстное желание создать в Сибири свою местную печать» [15. С. 7]. Примечательно, что главным литературным работником журнала Щукин планировал сделать Ордынского, уже тогда отличавшегося большим талантом, продуктивностью и имевшего объемный материал. По этому поводу последний писал Потанину: «Цель нашего журнала – развить литературу в Сибири, заставить сибиряков сбросить с себя застенчивость в передаче мыслей на бумагу и пр., и пр. Цель великолепная. Нам лишь бы сделать начало, а там все пойдет как по маслу» [20. С. 16].

В итоге выпуск журнала был отменен. В качестве одной из возможных причин можно назвать разногласия между Ядринцевым, Потаниным и Щукиным, которые по-разному видели цель издания. Первые настаивали на том, что «Сибиряк» должен был стать инструментом политической борьбы, в то время как сам Щукин видел в нем площадку для объединения трудов сибирских писателей [17. С. 139–140].

Факт наличия у Н.С. Щукина идеи о литературно-художественном журнале, которую не удалось реализовать, позволяет говорить о том, что она все же нашла частичное воплощение в концепции сборника «Сибирские рассказы» [12. С. 51]. Об этом косвенно свидетельствует сотрудничество составителя с учредителями частной иркутской библиотеки М.П. Шестуновым и В.И. Вагиным, с помощью которых он открыл подписку на журнал, а потом – на сборник [23].

Любопытно, что сами «Сибирские рассказы» Н.С. Щукин в предисловии обозначает как «первую книгу чисто-литературного содержания» [24], изданную непосредственно в Сибири. При этом, если рас-

сма­тривать «Сибирские рассказы» сквозь призму со­временной типологии изданий, можно уточнить, что данный сборник является непериодическим альманахом – то есть фактически первым в Сибири изданием альманашного типа, о важной роли которых в истории русской литературы говорили еще А.С. Пушкин и В.Г. Белинский

Как бы то ни было, отметим, что метатекстуальный характер сборника обозначается уже на уровне названия, которое не только задает общую тему произведений, их жанр, но и указывает на сюжетообразующее пространство, подход к конструированию художественного образа Сибири (и, что важно, «изнутри» самой Сибири, т.е. авторами-сибиряками). Впрочем, жанровое определение здесь отнюдь не строгое, в чем мы убедимся при рассмотрении произведений.

Но прежде обратим внимание на паратекст, который также имеет метатекстуальную функцию, задающую подход к чтению и осмыслению текста (то есть является своего рода кодом или программой чтения, закладываемой составителем / издателем в книгу). В данном случае к нему относятся: 1) уже обозначенное название, маркирующее тематическое своеобразие включенных в сборник произведений; 2) предисловие от издателя, в котором декларируется литературный статус «Сибирских рассказов»; 3) оглавление, свидетельствующее о полижанровом характере сборника и определяющее ракурс рецептивной эстетики; 4) финальная реплика издателя («Конец»), семантически подтверждающая художественную целостность, завершенность сборника как текстового единства.

Что касается содержания (обозначенного Н.С. Щукиным как оглавление, что тоже можно рассматривать в качестве метатекстового признака, указывающего на художественную целостность), то в состав сборника вошли пять произведений, одно из которых («Сибирячка»), принадлежит И.В. Омулевскому, а остальные – А.К. Ордынскому:

1. «Практическая девушка (очерк сибирских нравов)». *Синдбад*

2. «Сибирячка (рассказ из путевых впечатлений)». *Омулевский*

3. «Борода и кринолин». *Аполлон Приканский*

4. «Влюбленный заседатель (неправдоподобное, но истинное происшествие)». *Язон Аргонавтов*

5. «Привидение на заимке (сибирская легенда)». *Язон Аргонавтов*

Как видим, жанровая структура сборника неоднородна. Она строится на оппозиционном диалоге текстов, демонстрирующем взаимодействие разных жанровых интенций авторов. Так, *очерк* и *легенда* выступают как крайние границы метатекста, жанр которого составитель в целом определяет как рассказы. Очерк ориентирован на правдивость и документальность изображаемого, в то время как легенда – жанр прозаического фольклора. Несмотря на явную оппозицию произведений в плане достоверности, в данном сборнике их объединяет сибирская тематика, обозначенная в их названиях.

В центр сборника помещено произведение *без жанрового наименования*, однако составитель все равно включает его в парадигму сочинений, которые он все квалифицирует как рассказы.

Между второй и четвертой позицией, как между первой и пятой, наблюдается переключки в связи с взаимодействием документального и художественного начал в повествовании всех произведений, однако здесь это имеет смешанный характер: *рассказ из путевых* (указание на документальность) *впечатлений* (не события и факты, которые можно документально точно изобразить, а именно впечатления); далее – *неправдоподобное, но истинное происшествие* (коррелирует с документальностью и изображением впечатлений от увиденного произведения, занимающего вторую позицию в сборнике; одновременно противопоставляются внешняя и внутренняя событийность (*впечатления – происшествие*)).

Таким образом, если рассматривать содержание «Сибирских рассказов» в аспекте дихотомии «реальное – вымышленное» (или, например, по степени художественного вымысла), то становится очевидна определенная системность структуры содержания, указывающая на наличие замысла составителя, разместившего тексты в конкретном порядке. В этой своеобразной структуре наблюдается четкий «безжанровый» центр, являющийся одновременно точкой демаркации двух жанровых групп – «плоскости реализма» и «плоскости вымысла». Неслучайно первый и пятый текст, единственные среди всех, имеют точное жанровое обозначение, где очерк, соответственно, воплощает «экстремум реализма», а легенда – «экстремум вымысла». Второй и четвертый текст, в свою очередь, имеют черты смежных, переходных жанров со сложным взаимодействием внешнего и внутреннего сюжета, документального и вымышленного.

Подобный порядок, задающий жанровый диалог произведений, может быть обусловлен двуединой задачей сборника – во-первых, отобразить жизнь сибиряков с разных позиций, чтобы полнее охватить круг проблем сибирского края и обозначить их глубину, во-вторых, чтобы показать поиски способов их художественного воплощения сибирскими авторами. Это достигается путем объединения в сборнике нейтральной зарисовки социальной жизни («очерк сибирских нравов»), зарисовки мыслей и чувств автора-повествователя («рассказ из путевых впечатлений»), бытового рассказа («слуха») («неправдоподобное, но истинное происшествие») и местного фольклора («сибирская легенда»). В результате складывается многогранный образ сибирского социума, который транслируется через сборник (метатекст).

Текст «Борода и кринолин», не имеющий жанрового наименования, отличается от остальных произведений ярко выраженной злободневностью, прямым конфликтом между горожанами и чиновниками, философскими размышлениями о судьбе Сибири, ее текущем состоянии, перспективах и людях. В каком-то смысле он больше тяготеет к публицистике, чем к художественной литературе. Помещая данный текст в центр сборника, составитель, очевидно, маркирует его как особо значимый.

Нарратив и композиция произведений

Тезис о целостности сборника и специфика его структуры подтверждается логикой организации текстов, которая актуализируется в их нарративной специфике. Так, общая схема нарратива «Сибирских рассказов» может быть выражена формулой «1–2–2–2–1», где цифрой обозначается количество нарраторов в каждом произведении.

Для «Практической девушки» и «Приведения на заимке», вступительного и заключительного произведения соответственно, характерен аукториальный нарратив: в них повествование ведется от третьего лица; повествователь не выражен явно, однако, что важно, представляет собой не всеведущую персону, а неприсутствующего очевидца; он не присутствует в сюжете, дистанцирован от него, его образ прослеживается, скорее, на стилистическом уровне и обнаруживается прямыми обращениями к своим читателям, комментариями описываемого, который он делает для них. В каком-то смысле речевая манера повествователя характеризует его как сатирика сибирской жизни, хорошо знакомого с ее отдельными проявлениями, образами, типажам.

Три произведения, составляющие «ядро» сборника («Сибирячка», «Борода и кринолин», «Влюбленный председатель»), отличаются двойным акториальным нарративом: в них присутствует рассказчик, включенный в основной сюжет и ведущий повествование от первого лица, однако впоследствии его роль всегда переходит персонажу, третьему лицу, излагающему в ходе диалога ретроспективную историю изначальному нарратору, в результате чего организуется рамочная композиция сюжета.

Следует отметить, что для «Сибирских рассказов» в целом характерна смешанная композиция, которая, тем не менее, обретает упорядоченность, заданную структурой сборника. Первый и последний тексты разворачиваются линейно, очерчивают повествовательные границы метатекстуального высказывания, являются точками сосредоточения ключевых образов и мотивов сборника. Второй и четвертый текст играют, скорее, роль иллюстраций, примеров частных проявлений сибирской жизни. Их образное наполнение и сюжет менее насыщены по сравнению с обрамляющими произведениями. То же, в общем-то, справедливо и для третьего текста, однако он, как мы уже говорили, отличается социально-философской проблематикой, особой позицией повествователя.

Такое нарративное устройство текстов и порядок их расположения в сборнике отнюдь не случайны, – в этом тоже усматривается замысел составителя. Так, «Практическая девушка» является самым объемным произведением, в котором вводятся характерные мотивы и образы сборника. Впоследствии они идентифицируются читателем в остальных рассказах по принципу узнавания. В каком-то смысле этот текст инициирует диалог с читателем в определенном модусе, к которому тот постепенно привыкает, и нужно отметить, что модус этот сатирический, направленный на изобличение социальных проблем. Эти про-

блемы и образы конкретизируются в трех срединных текстах и закрепляются в финальном, очень близком по эстетическому выражению и характеру повествования первому.

При этом нужно сказать, вновь обращаясь к структуре сборника, что несмотря на сходство произведений по типу нарратора, картина мира в них имеет разную степень достоверности. В очерке нарратор излагает то, что наблюдает сам. Путевые впечатления – это фиксация эмоций нарратора, слушающего историю жизни сибирской крестьянки, то есть не полностью достоверное изображение. Третье произведение – описание дневных событий, свидетелем которых был персонаж, о чем он и сообщает первому нарратору. Четвертое – происшествие, взятое в ретроспективе; представляет собой рассказ очевидца, построенный в аспекте полемики с нарратором. И наконец, пятое – это история, воспроизведенная нарратором по рассказам местных жителей (необязательно очевидцев).

Опорные участки нарратива обозначаются на композиционном уровне. Кроме того, что в сборнике есть две иерархичные группы текстов, в каждом из них присутствует один и тот же прием, связанный с кольцевым описанием конкретной ситуации, но возврат к ней всегда подразумевает качественно иной взгляд на проблему. В этом плане все рассказы в жанровом отношении сближаются с притчей, поскольку их сюжеты обретают нравоучительный характер (недаром «заглавное» произведение позиционируется как «очерк нравов»). Но вместе с тем данная притча подается словно через призму публицистики, памфлетности, о чем свидетельствует сатирическая манера повествователя в первом и последнем тексте, что также соответствует художественной задаче составителя и авторов.

Приведем примеры такого повтора ситуаций. В экспозиции «Практической девушки» фигурирует сцена игры в шашки между Мирским, молодым сибирским чиновником, который еще не утратил романтического отношения к жизни, и Иваном Ивановичем, пожилым чиновником в отставке, который относится к жизни сугубо утилитарно, руководствуясь исключительно расчетом и выгодой. В ходе игры они дискутируют на тему любви и пути к успеху в государственной карьере. Когда появляется Зоя Никаноровна – свояченица Ивана Ивановича, являющаяся той самой «практической девушкой», – Мирский, испытывающий к ней симпатию, совершает ошибочный ход и быстро проигрывает своему оппоненту [24. С. 8].

Впоследствии Зоя будет манипулировать чувствами Мирского в собственных корыстных интересах, связанных с браком по расчету с Кубышкиным, состоятельным коммерсантом. Уже в экспозиции становится понятно, что герой заведомо обманут («поражение в игре»). В развязке мы вновь наблюдаем игру в шашки, но в этот раз возмущенный Мирский, узнавший все правду, выходит из нее по собственному желанию, тем самым символически разрывая отношения с Зоей [24. С. 48].

Рассказ «Сибирячка» открывается мотивом дороги и пейзажем Барабинской низменности:

– Ну, барин, погодка! – заметил мне сквозь зубы ямицик, отряхивая свою козью доху, причем меня как-то особенно неприятно обдало в лицо мокрым снегом.

Я было задремал, но тотчас очнулся и **тревожно выглянул из кибитки; кругом, что называется, свету божьего не видать было**: ветер, метель, снег, снег и снег...

– А много ли осталось до дружка? (Дружками по Барабинской степи зовут вольных ямициков) – спросил я с искренним любопытством.

– Да осталось немного; всего с полверсты, не больше: вишь, **за метелью-то не углядишь деревни-то...** [24. С. 55].

Образ метели связан с ситуацией потери в пространстве, разобщенности людей, сопряжен с угрозой жизни. Сибирские просторы предстают враждебным местом, фактически соприкасающимся с потусторонним миром, и только свет окон деревни может сигнализировать о спасении, об «очагах жизни» в этой степи.

В конце произведения рассказчик, вдохновленный историей тяжелого жизненного пути Анастасии и Филиппа (сибирских крестьян, которые, несмотря на все испытания, сумели сохранить свою любовь и пронести ее через года), снова отправляется в путь, и в этот раз пейзаж и само восприятие ситуации кардинально отличаются от того, что мы видели в начале рассказа:

День стоял чудесный: теплый, светлый... Я, признаюсь, едва не заплакал, садясь в кибитку: так мне было жаль оставлять этих добрых, простых людей...

– Ну, с богом! Трогай, парень! – заключил хозяин наше трогательное прощание. <...>

Но мы уж **мчались во весь дух свежих сил...** [24. С. 72].

Рассказчик больше не испытывает тревоги. Услышанная им история Анастасии и Филиппа способствует его внутренней трансформации, обновлению душевных сил. Он понимает, что Сибирь – это не только метель и опасность утраты пути, но и пространство света и надежды.

В рассказе «Борода и кринолин» закольцованным элементом являются размышления рассказчика об апатичности городской жизни, бездействию властей, а также надежда на скорые перемены в связи с приездом нового городничего:

Для каждого горожанина интересно знать, каков будет новый городничий, тем более, если старый не слишком-то был хорош, а еще более, если у горожанина **торчит перед носом болото**, подобное тому зыбуну, который с незапамятных времен завелся перед моею квартирою. В богоспасаемом нашем граде уже разнеслись слухи, что новый городничий взялся устроить благородное собрание, воскресную школу, завести городскую библиотеку, учредить театр, литературные вечера и живые картины. <...> **Авось его высокоблагородие хоть мельком бросит «взгляд» на эту грязь, которую я ежедневно люблю, и которую все проходящие зачерпывают в калоши. Авось он подвинет сонные умы и апатические руки**

здешних обывателей к уничтожению этой заповедной грязи несколькими возами гальки, щепок или просто даже мусору [24. С. 75].

Однако этому не суждено сбыться. Новый городничий занимается чем угодно, кроме своих непосредственных обязанностей (или вовсе бездействует), и рассказчик с досадой заключает:

По всему видно, что **грязь, столько времени подергивающая мраком мои светлые очи, останется нетронутой и станет дожидаться еще нового городничего**, и что ее теперешний наш отец и благодетель из-под кринолина доблестной своей супруги не заметит. **Значит все останется по-старому и новых порядков нам не видать. Борода спряталась под кринолином, кринолин прикрыл бороду, а миру нет ни тепла, ни холоду** [24. С. 82].

Четвертый рассказ, «Влюбленный заседатель», начинается со спора рассказчика с Бурдомакиным, зажиточным крестьянином, работающим на местных чиновников. Рассказчик негативно относится как к деятельности представителей власти, так и к их личностям, и Бурдомакин пытается опровергнуть его мнение. Он говорит:

Случается, и на них **накатывает такой стих или такая планида, что они так и просят в герои книжных историй, в лица разных небывлиц...** Я, пожалуй, и согласен с этим. Но я знаю одного заседателя, который так влюбился было в одну девицу, что просто его следовало если не в книжные герои произвести, то уж беспременно упрянуть в тот дом, где обливають холодной водой да на цепи сажаяют... Вот как перевернула его любовь! [24. С. 88].

Бурдомакин рассказывает историю о Сергее Петровиче Беспардонном, который якобы влюбляется в Клавдию Васильевну, молодую столичную дворянку. Она навещает своего умирающего отца, отправленного в ссылку в Сибирь. Беспардонный всячески пытается сделать ей предложение, но все время получает отказ. При этом все остальные обыватели считают, что он искренне в нее влюблен.

В финале выясняется, что показная «любовь» Беспардонного является частью аферы, связанной с желанием породниться с Клавдией и завладеть ее богатым именем. Рассказчик, выслушав историю до конца, иронично заключает:

Значит, **вашему заседателю можно – и даже очень можно – было влюбиться влюбиться в Клавдию Васильевну на манер книжных героев: со стихами, меланхолией, серенадами, отчаянием, неистовством и прочими чудесами** [24. С. 102–103].

В последнем тексте, «Привидение на заимке», кольцевым элементом выступает фраза «Муж и жена – одна сатана» [24. С. 107], которая появляется в эпиграфе и повторяется рассказчиком в конце произведения. В этой истории мы узнаем о Сысое Артамоныче, который обогатился, будучи доверенным у купца Толстобрюхова и, по слухам, довел того до могилы, завладев всем его состоянием. Дочь Толстобрюхова, Любовь Патрикеевна, остается без наследства, и Сысой трижды делает ей предложение. Возмущенная поначалу Любовь Патрикеевна внезапно соглашается,

сменив гнев на милость, однако становится ясно, что она тоже руководствуется неким мотивом. Сысой, занимающийся философскими и мистическими исследованиями, пытается совершить революционное открытие, установив контакт с миром мертвых, однако боится, что за ним явится покойный Толстобрюхов, про которого ему было видение. В финале он все же символически сталкивается с призраком, и месть Толстобрюхова, таким образом, свершается через Любовь Патрикеевну.

Сквозные мотивы и образы

Последними метатекстуальными признаками «Сибирских рассказов» являются сквозные мотивы и образы, фигурирующие в двух и более текстах. Их повторяемость обеспечивает закрепление конкретных высказываний в пространстве метатекста, определяет специфику дискурса составителя, авторов и читателей, формирует эстетический и когнитивный план восприятия сборника, что, в свою очередь, влияет на восприятие совокупного образа социального устройства Сибири.

Один из наиболее явных мотивов – мотив обмана, аферы, (притворства), характеризующий индивидуальное стремление к богатству, выгоде, высокому положению. В «Практической девушке» Иван Иванович добивается успеха и положения путем различных интриг и махинаций, нисколько не считаясь с нормами морали. Аналогично ведет себя и Зоя Никаноровна, стремящаяся вступить в брак по расчету и презирующая искреннюю любовь Мирского. Во «Влюбленном заседателе» вся история строится вокруг аферы Беспардонного, которой ради осуществления своих планов изображает искренность, набожность, нежные чувства к Клавдии Васильевне. В легенде «Произведение на заимке» идет своеобразное противостояние между Сысоем Артамонычем и Любовью Патрикеевной, каждый из которых играет «роль» честного супруга.

Поведение и поступки многих персонажей определяет мотив любви (настоящей и ложной) и ревности. Мирский любит Зою и ревнует ее к Кубышкину, первоначально не понимая, чем он интересен для нее. Любовь простых сибирских крестьян, Анастасии и Филиппа, преодолевает необъятность и враждебность сибирского пространства, а также социальную несправедливость крепостнического строя. Ложное, притворное чувство Беспардонного сталкивается с любовью Клавдии Васильевны и Дениса Карпова, которая рушит его планы. На ложной любви построены семейные отношения Сысои Артамоныча и Клавдии Патрикеевны.

Куда большей специфичностью отличаются сквозные образы. Наиболее ярким и сильным в сборнике является образ Сибири как колониального, эксплуатированного региона, что, в частности, находит выражение в упадке местных нравов, культурном застое, высоком уровне преступности. Все прогрессивные идеи подавляются как революционные. Показателен в этом плане следующий фрагмент, в котором ведется спор о проблеме школьного образования:

Пускаясь более и более в рассуждения по этому предмету, Иван Иванович доходил до того убеждения, что если бы дозволено было некоторым ссыльным обучать открыто детей, то Сибирь в несколько лет сделала бы неимоверные успехи в отношении народной грамотности, потому что ей не достает только учителей, и сделала бы это на собственные средства, не прибегая к пособиям казенным.

– Вы настоящий либерал, Иван Иванович! – рычал Гасильников. Ну как это можно? Ведь ссыльные – преступники, люди, не имеющие никаких прав, а следовательно, и нравственности... Можно ли им доверять свечеч науки?

– Насчет науки я вот что вам скажу, батенька. Многие ссыльные, которым вы с полицией воспретили обучать детей в городе, имеют образование выше многих наших не только приходских, но даже и уездных учителей, сударь мой!.. [24. С. 20].

В «Бороде и кринолине», в дополнение к уже приведенным ранее мыслям рассказчика, описывается произвол местных чиновников и, в частности, бездействие представителей высшей власти:

– Какие тут новые порядки! – возопил квартальный, понижая голос и трусливо оглядываясь кругом. – Наш городничий любит только тон задавать, все же там относительно порядков он сдал на руки писмоводителю Омутовскому-Озеровскому, плуту и мошеннику первостатейному, как сами изволите знать [24. С. 84].

О произволе говорится и в рассказе «Влюбленный заседатель»: Беспардонный нисколько не гнушается использовать свои возможности для достижения целей и расправы над нижестоящими.

Менее выраженными (особенно в силу преобладания сатирического модуса), но все же различимыми в сборнике являются моральные образы, характеризующие Сибирь как мистическое пространство двоемрия, места, где жизнь и смерть идут рука об руку. Например, в «Практической девушке» есть эпизод, в котором герои гуляют за городом, и Иван Иванович рассказывает легенду о некоем преступнике:

Неизвестно, чем бы окончился этот мудреный диспут, если бы Зоя Никаноровна, поворотивши в сторону, не подошла к крутому берегу оврага, и не закричала своим звонким серебряным голосом:

– Ах, какой великолепный, какой поэтический вид! Посмотрите, господа!

<...>

– Вид-то действительно великолепный, матенька, да место-то не слишком одобрительное, сударыня моя, – произнес Иван Иванович и начал рассказывать длинную легенду о преступнике, похороненном под наклонившимся крестом [24. С. 22].

Желая вспомнить тот «поэтический вид», Мирский приходит к оврагу, но вместо сталкивается там с inferнальным видением:

И вот Мирский взглядами, исполненными трепетного ожидания, начал окидывать местность по ту сторону оврага. Но вдруг невольно вздрогнул... Ему показалось, что темные впадины глаз этой длинной лошадиной головы озарились фосфорическим блеском

и злобно, язвительно на него посмотрели; вслед за этим весь остов, как будто в досаде, повернулся на своем месте, крестик зашатался и из одинокой могилы послышался глубокий, тяжелый, подземный вздох... [24. С. 22].

В «Сибирячке», помимо упомянутого пейзажа степи, присутствуют сцены убийства дворян, в которых образ Анастасии можно условно сопоставить с образом «мстительного духа крепостничества».

Во «Влюбленном заседателе» Беспардонный, впервые войдя в дом отца Клавдии Васильевны, видит отца, дочь и весь интерьер практически в райском свете [24. С. 90], при том что сам он как персонаж имеет выраженное демоническое начало (стихийные расправы над крестьянами и поселенцами). После этой встречи с ним происходит удивительное преобразование:

С этого дня он сделался шелковый какой-то человек. Теперь он словно от мира и всех дел человеческих отрезался или в монастырь на спасительное житье собирался [24. С. 92].

Весь сюжет «Привидения на заимке» построен на обыгрывании погусторонней тематики. Показателен фрагмент, в котором Сысою снится покойный Толстобрюхов:

Ко всему этому остается прибавить еще следующее обстоятельство: посещение могилы Толстобрюхова бывшим его главным доверенным произошло ни раньше, ни позже, как в ночь, следовавшую за той страшной и бурной ночью, в которую Сысой Артамоныч, поднявши на ноги весь дом свой и даже соседей, с лихорадочною дрожью уверял всех, что к нему приходил некто с красным шарфом на шее, смотрел исподлобья сверкавшими, как молния глазами и говорил нечто невыразимо-ужасное [24. С. 110].

Выделяется также ряд образов сибирской повседневности, присутствующих в описании изб, квартир, частично – природы, города. К последнему добавляются образ «келейной», апатичной жизни горожан (в которой «нет ни любви, ни интриг, ни бегства из дома родительского, ни препятствий неодолимых к супружеству») [24. С. 113]) и характеристика их речи, зачастую состоящей из смеси просторечных и модных, высоких слов из научных и философских областей. В текстах также встречается такая примечательная деталь, как окна жилищ, из которых люди наблюдают за всем происходящим. В каком-то смысле ими опосредована связь внутреннего (индивидуального) и внешнего (социального и природного) пространства.

Отдельного внимания заслуживают сквозные социальные образы (типичные представители сибирского социума), среди которых главными являются образы сибирского чиновника и сибирской девушки.

Первый представлен преимущественно в отрицательном ключе на примере таких персонажей, как Иван Иванович, Беспардонный и городничий. Рассуждая о жизненных целях, Иван Иванович говорит следующее:

Вы должны знать, что мы, русские, – народ и домовитый, и необщественный. Мы, сударь мой, народ чиновный. Нам не нужна свобода... Упаси Бог

нас от равенства... чинов, чинов и чинов, – вот чего мы жаждем от мала до велика, батенька, вот на чем мы помешаны, сударь мой [24. С. 5].

Несмотря на то, что речь идет о всем русском народе, в дальнейшем Иван Иванович раз за разом возвращается к этой мысли именно в контексте проживания в Сибири, где высокий чин гарантирует богатство, привилегии, статус, поскольку местная власть фактически занимает место дворянского сословия, что, например, наглядно выражается в думах Кубышкина:

С некоторого времени в нем зародилась мысль о женитьбе на какой-нибудь невесте из чиновничьего круга. Этой женитьбой он думал, если не одвоянниться, то по крайней мере, сродниться с высшим заповедным кругом, и надеялся чувствовать себя в нем более свободным и развязным [24. С. 40].

Сибирские девушки в сборнике разделяются на «практических» (Зоя Никаноровна, жена городничего, Любовь Патрикеевна) и «романических» (Дуня Вавилкова, Анастасия, Пошехонова, Клавдия Васильевна). Их характеристика дается в первом тексте:

1) – Вы кажется собирались объяснить нам, что такое практическая девушка?

– Практическая девушка, – возопил Мирский... – это... Стенька Разин в кринолине...

– Гришка Отрепьев в мушкатерке! – подхватил Бассамыгин.

– Кузьма Роцин... в мантилье веласкес!.. – продолжал Мирский.

– Ванька Каин в бурнусае шамбери! – прибавил злобно Бассамыгин.

– У практической девушки вместо сердца... – снова начал Мирский.

– Ну, что такое вместо сердца? – заговорили все разом, обращаясь к Мирскому.

– Сам черт не разберет, что у ней такое вместо сердца, – заключил Мирский... [24. С. 51]

2) Романическая девушка принимала к сердцу и чужие горести... плакала и над чужими несчастиями [24. С. 51].

Качества «романических» девушек отображены в рассказе «Сибирячка», где им, на примере Анастасии, приписывается скромность и богобоязненность, сочетающаяся со смелостью и находчивостью, а также способностью к глубокой эмпатии. Эти же черты далее будут проявляться в характерах Пошехоновой («Борода и кринолин») и Клавдии Васильевны («Влюбленный заседатель»). «Практическим» девушкам, напротив, свойственны безнравственность, корысть, расчетливое мышление, приоритет собственных интересов. В этом их образ пересекается с образом сибирских чиновников.

Заключение

Итак, анализ сборника «Сибирские рассказы» показал, что его метатекстуальные признаки считаются на нескольких взаимосвязанных уровнях: идейном (областнические взгляды Н.С. Щукина, И.В. Оммулевского, А.К. Ордынского), концептуаль-

ном (художественное изображение сибирского социума), структурном (воспроизведение различных аспектов сибирской жизни с разных позиций), что находит выражение в нарративной, композиционной, мотивной и образной специфике. Факт того, что данное издание является метатекстом (метавысказыванием) о Сибири, созданным сибиряками и для сибиряков, позволяет вписать его в культурно-исторический и, в частности, литературный процесс региона как знаковое явление, востребованность которого была обусловлена запросами литературных субъектов.

Подтверждением тому служит паратекстовый элемент – предисловие от Н.С. Щукина, в котором он выражает признательность сибирской публике и пишет, что почти все билеты на тираж сборника были раскуплены за несколько месяцев до его выхода, причем как в Иркутске, так и в других сибирских городах. Тем не менее, отсутствуют источники, в которых как-либо оценивается значение выпуска в свет «Сибирских рассказов» на уровне общественной рефлексии или литературных параллелей.

В мемуарах Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина выход сборника «Сибирские рассказы» удостоен лишь краткого упоминания как главного достижения Н.С. Щукина в период проживания в Иркутске (без непосредственного отзыва о его литературной значимости): «В Иркутске он издал небольшую книжку „Сибирских рассказов“... Книжечка эта составляет библиографическую редкость» [15. С. 8], «Его стремление служить литературе выразилось только изданием беллетристического сборника под названием „Сибирские рассказы“» [16. С. 112]. Это может объясняться тем (как мы уже упоминали, говоря об илдее журнала «Сибиряк»), что «на первых порах политизированные воззрения областников не позволяли им признать за местной беллетристикой вообще хоть ка-

кое-нибудь будущее. В написанном в январе 1862 г. письме к Н.С. Щукину Потанин категорично охарактеризовал текущий момент как „время прокламаций“, а мечты своего корреспондента „о каких-то романах, повестях, живописании и воспроизведении“ объявил „жалкой целью“» [25. С. 191]. Признание важности беллетристики областниками произойдет только после судебного процесса 1865 г., когда Ядринцев и Потанин начнут формировать замысел романа «Тайжане» (1872).

Любопытно, что преодоление ими «застоя» в литературном процессе Сибири, возникшего еще в 1840-х гг., обошлось без должного внимания к «Сибирским рассказам». Так, например, несмотря на негативную оценку качества сборника в художественном плане (пересмотр которой, отметим, не входил в задачи исследования), представленную в «Сибирской советской энциклопедии»⁸, в нем обнаруживаются те же концептуальные, содержательные и формальные элементы, что и в «Тайжанах»: идеология областничества, сибирские авторы, сибирский круг проблем, адресация читателю-сибиряку, жанровая неоднородность, фельетонная манера повествования.

Наконец, представляется возможным уточнить место «Сибирских рассказов» в литературном процессе региона, обозначив его не только как первый литературный сборник, напечатанный в Сибири, но и как явление метатекстуальной, коммуникативной природы, в котором, благодаря усилиям Н.С. Щукина, И.В. Оммуевского и А.К. Ордынского, нашли начальное выражение характерные черты нового этапа формирования сибирской литературы 1860-х гг. В перспективе этот взгляд может быть уточнен путем сопоставительного анализа «Сибирских рассказов» с последующими коллективными литературными сборниками XIX в.

Примечания

¹ В первом отношении используются такие понятия, как «авторское повествование в повествовании», «автометатекстуальность», «автометаописание», «метаописательный пласт текста», «метаописание», «саморефлексия», «автокомментарий», «метапостроение», «текст в тексте», «текст о тексте»; во втором – «целостность текстов, написанных одним писателем (Е.А. Гончарова, Н.А. Смирнова) или группой авторов – МТ журнала, альманаха (В.С. Киселев), литературного цикла (Я.О. Глембоцкая, Л.Е. Ляпина) или МТ целого литературного направления (Н.А. Смирнова)» [7. С. 3].

² В отличие от цикла, в котором признаки художественного целого выражены более явно и соотносятся непосредственно с авторским замыслом, в сборнике (особенно в коллективном) прежде всего необходимо изучать замысел составителя.

³ В качестве примера репрезентативна работа Ю.В. Казарина «Журнальный метатекст как объект текстологии», в которой выделяются признаки и свойства литературно-художественного журнала как метатекстового образования. К критериям, маркирующим его сущность и цельность, автор относит пространственно-временной, языковой, этико-эстетический, концептуальный, идейный, стилистический и стиливой, антропологический, текстовый, когнитивный/гносеологический, интертекстуальный, контекстологический, графико-дизайнерский, креолизованный [9. С. 32–33].

⁴ Несмотря на частые упоминания «Сибирских рассказов» в краеведческих источниках, в научной области фактически существуют только две работы, в которых этот сборник кратко описан в книговедческом аспекте, – это монография Е.А. Макаровой «Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII – первой трети XX в. в аспекте формирования регионального книгоиздания» [12] и статья И.А. Айзиковой «Литературно-художественные произведения о Сибири в книжной коллекции Г.К. Тюменцева» [13].

⁵ Метатекстовые признаки коллективного литературного сборника, пользуясь критериями Ю.В. Казарина, представляется возможным обнаружить на идейном (социально-политические воззрения составителя и авторов), концептуальном (образ и функции конкретного сборника в сознании составителя), текстовом (структура сборника и характер связи между входящими в него произведениями) и этико-эстетическом (специфика и повторяемость художественных образов) уровнях.

⁶ На момент выхода сборника «Сибирские рассказы» И.В. Оммуевский был только в начале творческого пути.

⁷ Из Киевской губернии А.К. Ордынский в 1850 г. был сослан в Канский уезд Енисейской губернии [21. С. 69].

⁸ «Как всегда, появление местной печати дает стимул и выход литер. тенденциям. Эта местная лит-ра на первых порах выражается в обличительных фельетонах (в стихах и в прозе), в бытовых зарисовках и пр. Типичным явлением этой переходной поры служит крайне слабый в художественном отношении литер. альманах („Сиб. рассказы“)» [26].

Список источников

1. Ким Х.Е. Теория метатекста и формы ее проявления в поэтике // *Acta Slavica Iaponica*. 2004. Vol. 21. P. 202–213.
2. Кузнецова А.В. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13, вып. 9. С. 265–269.
3. Сипрова А.А. Феномен метатекстуальности в гуманитаристике XX столетия: бахтинский дискурс // Конференциум АСОУ : сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2017. № 3. С. 146–152.
4. Аппазова С.Т. Метатекст: лингвистический и литературоведческий аспекты // *Гуманитарные исследования*. 2012. № 1 (41). С. 82–87.
5. Бердник Е.С. Применение понятия «Метатекст» к произведению словесного искусства // *В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии*. 2013. № 6 (29). С. 237–247.
6. Тороп П.Х. Проблема интекста // *Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам. XIV. Текст в тексте*. 1981. Вып. 567. С. 33–44.
7. Баринаева Е.Е. Метатекст в постмодернистском литературном нарративе : А. Битов, С. Довлатов, Е. Попов, Н. Байтов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 24 с.
8. Киселев В.С. Метатекст как тип художественного целого (к постановке проблемы) // *Вестник Томского государственного университета*. 2004. № 282. С. 184–190.
9. Казарин Ю.В. Журнальный метатекст как объект текстоведения. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2016. 116 с.
10. Баженова В.В. Русский литературный сборник середины XX – начала XXI века как целое : альманах, антология : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 27 с.
11. Снигирева Т.А., Подчиненов А.В. «Толстый» журнал в России как текст и сверхтекст // *Известия Уральского государственного университета*. 1999. № 13. С. 5–13.
12. Макарова Е.А. Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII – первой трети XX в. в аспекте формирования регионального книгоиздания. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. 236 с.
13. Айзикова И.А. Литературно-художественные произведения о Сибири в книжной коллекции Г.К. Тюменцева // *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2019. № 21. С. 67–87.
14. Шиловский М.В. Демулен из Иркутска // *Сибирская Заимка – история Сибири в научных публикациях*. URL: <https://zaimka.ru/shilovsky-shchukin/> (дата обращения: 15.11.2022).
15. Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания : очерки первого сибирского землячества в Петербурге. Красноярск : Издание Красноярского Союза областников-автономистов, 1919. 27 с.
16. Потанин Г.Н. Воспоминания // *Литературное наследие Сибири*. Т. 6. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1983. 336 с.
17. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1968. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. 529 с.
18. Зиновьева М.Д. Омудевский И.В. : биобиблиографическая справка // *Lib.ru/Классика*. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_0030.shtml (дата обращения: 15.11.2022).
19. Петухов Е.В. И.В. Федоров-Омудевский : очерк его жизни и литературной деятельности. Томск : Паровая литография П.И. Макушина, 1900. 61 с.
20. Туманик Е.Н. Сибирский писатель и этнограф Аполлон Ксаверьевич Ордынский (1830–1915) : новые материалы к творческой биографии // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2013. № 3. С. 15–18.
21. Ханевич В. А. Ордынский Аполлон Ксаверьевич // *Сибирская старина : краеведческий альманах*. 2002. № 19. С. 69.
22. Сибирские писатели // *Сибирский литературный портал имени Владислава Ляхницкого*. URL: <https://siberia.gabbe.ru/sibirskie-pisateli/> (дата обращения: 16.11.2022).
23. «Сибиряк», журнал // *Иркипедия – портал иркутской области*. URL: http://irkipedia.ru/content/sibiryak_zhurnal (дата обращения: 18.11.2022).
24. Сибирские рассказы. Иркутск : Типография штаба войск, 1862. 122 с.
25. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков : особенности становления и развития региональной литературной традиции : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. 371 с.
26. Литература сибирская // «Сибирская советская энциклопедия» (1929) // *Иркипедия – портал иркутской области*. URL: http://irkipedia.ru/content/literatura_sibirskaya_sibirskaya_sovetskaya_encyklopediya_1929 (дата обращения: 03.12.2022).

References

1. Kim, Kh.E. (2004) Teoriya metateksta i formy ee proyavleniya v poetike [The theory of metatext and forms of its manifestation in poetics]. *Acta Slavica Iaponica*. 21. pp. 202–213.
2. Kuznetsova, A.V. (2020) Metatekst v khudozhestvennom tekste: pragmatika i funktsii [Metatext in a literary text: pragmatics and functions]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9 (13). pp. 265–269.
3. Siprova, A.A. (2017) Fenomen metatekstual'nosti v gumanitaristike XX stoletiya: bakhtinskiy diskurs [The phenomenon of metatextuality in the humanities of the 20th century: Bakhtin's discourse]. *Konferentsium ASOU: sbornik nauchnykh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsiy*. 3. pp. 146–152.
4. Appazova, S.T. (2012) Metatekst: lingvisticheskiy i literaturovedcheskiy aspekty [Metatext: linguistic and literary aspects]. *Gumanitarnye issledovaniya*. 1 (41). pp. 82–87.
5. Berdnik, E.S. (2013) Primenenie ponyatiya "Metatekst" k proizvedeniyu slovesnogo iskusstva [Application of the concept of "Metatext" to a work of verbal art]. *V mire nauki i iskussiva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*. 6 (29). pp. 237–247.
6. Torop, P.Kh. (1981) Problema inteksta [The problem of intext]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam. XIV. Tekst v tekste*. 567. pp. 33–44.
7. Barinova, E.E. (2008) *Metatekst v postmodernistskom literaturnom narrativе : A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Baytov* [Metatext in Postmodern Literary Narrative: A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Baytov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
8. Kiselev, V.S. (2004) The metatext as the artistic whole's type (to the problem's standing). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 282. pp. 184–190. (In Russian).
9. Kazarin, Yu.V. (2016) *Zhurnal'nyy metatekst kak ob'ekt tekstovedeniya* [Journal Metatext as an Object of Text Science]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
10. Bazhenova, V.V. (2010) *Russkiy literaturnyy sbornik serediny XX – nachala XXI veka kak tseloe : al'manakh, antologiya* [Russian literary collection of the middle of the 20th – early 21st centuries as a whole: almanac, anthology]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
11. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (1999) "Tolsty" zhurnal v Rossii kak tekst i sverkhstekst [Podchinenov A.V. "Thick" journal in Russia as a text and supertext]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 13. pp. 5–13.

12. Makarova, E.A. (2020) *Literaturno-khudozhestvennyye sborniki Sibiri kontsa XVIII – pervoy treti XX v. v aspekte formirovaniya regional'nogo knigozdaniya* [Literary and Artistic Collections of Siberia at the End of the 18th – First Third of the 20th Centuries. in the Aspect of the Formation of Regional Book Publishing]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Ayzikova, I.A. (2019) Fiction About Siberia in the Book Collection of G.K. Tyumentsev. *Tekst. Kniga. Knigozdanie – Text. Book. Publishing*. 21. pp. 67–87. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/21/4
14. Shilovskiy, M.V. (2000) Demulen iz Irkutka [Demoulins from Irkutsk]. *Sibirskaya Zaimka – istoriya Sibiri v nauchnykh publikatsiyakh*. 12 April. [Online] Available from: <https://zaimka.ru/shilovsky-shchukin/>. (Accessed: 15.11.2022).
15. Yadrintsev, N.M. (1919) *Sibirskie literaturnye vospominaniya : ocherki pervogo sibirskogo zemlyachestva v Peterburge* [Siberian Literary Memoirs: Essays on the first Siberian community in St. Petersburg]. Krasnoyarsk: Izdanie Krasnoyarskogo Soyuzo oblastnikov-avtonomistov.
16. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1983) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
17. Okladnikov, A.P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The History of Siberia from Ancient Times to the Present Day]. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie.
18. Zinov'eva, M.D. (1990) Omulevskiy I.V.: biobibliograficheskaya spravka [Omulevskiy I.V.: bio-bibliographic reference]. *Lib.ru/Klassika* [Lib.ru/Classics]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_0030.shtml. (Accessed: 15.11.2022).
19. Petukhov, E.V. (1900) *I.V. Fedorov-Omulevskiy: ocherk ego zhizni i literaturnoy deyatel'nosti* [I.V. Fedorov-Omulevskiy: An essay on his life and literary activity]. Tomsk: Parovaya litografiya P.I. Makushina.
20. Tumanik, E.N. (2013) Sibirskiy pisatel' i etnograf Apollon Ksaver'evich Ordynskiy (1830–1915): novye materialy k tvorcheskoy biografii [Siberian Writer and Ethnographer Apollon Ksaverievich Ordynskiy (1830–1915): new materials for his creative biography]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 15–18.
21. Khanevich, V.A. (2002) Ordynskiy Apollon Ksaver'evich. *Sibirskaya starina: kraevedcheskiy al'manakh*. 19. P. 69. (In Russian).
22. Sibirskiy literaturnyy portal imeni Vladislava Lyakhnitskogo [Siberian literary portal named after Vladislav Lyakhnitskiy]. (n.d.) *Sibirskie pisateli* [Siberian writers]. [Online] Available from: <https://siberia.gabbe.ru/sibirskie-pisateli/>. (Accessed: 16.11.2022).
23. Irkipediya – portal irkutskoy oblasti [Irkipedia – Portal of Irkutsk Oblast]. (2016) “*Sibiryak*”, *zhurnal* [Sibiryak Journal]. [Online] Available from: http://irkipedia.ru/content/sibiryak_zhurnal. (Accessed: 18.11.2022).
24. Shchukin, N. (1862) *Sibirskie rasskazy* [Siberian Stories]. Irkutsk: Tipografiya shtaba voysk.
25. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of Siberian Literature in the 19th – Early 20th Centuries: Peculiarities of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
26. Shirabon, S. & Alekseev, M. (eds) (2016) *Literatura sibirskaya* [Siberian literature]. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. [Online] Available from: http://irkipedia.ru/content/literatura_sibirskaya_sibirskaya_sovetskaya_entsiklopediya_1929. (Accessed: 03.12.2022).

Информация об авторе:

Смолянинов А.В. – ассистент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: smoart2@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Smolianinov, teaching assistant, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smoart2@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.12.2022;
одобрена после рецензирования 17.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.*

*The article was submitted 06.12.2022;
approved after reviewing 17.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.*